

К 26.89

П 94

Картины природы с науч-
ными объяснениями АLEX-
АНДРА ГУМБОЛЬДА.
Часть 1.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ

съ

НАУЧНЫМИ ОБЪЯСНЕНИЯМИ

АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДА.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

СЪ ТРЕТЬЯГО ПОСЛѢДНЯГО ИЗДАНІЯ

А. Н.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА К. Ф. РУЛЬЕ

Изданіе второе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МАНУХИНА.

МОСКВА.

Въ типографіи М. Смирновой.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Февраля 3 дня 186

Ценсоръ *И. Безсомякинъ.*

Печатано съ изданія 1855 г. безъ перемѣны.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ.

I.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АЛЕКСАНДРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ФИШЕРУ ФОНЪ ВАЛЬДГЕЙМЪ,

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ И БЛАГОДАРНОСТИ,

ПОСВЯЩАЕТЪ ПЕРЕВОДНИКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Со страхомъ передаю я публикѣ рядъ статей, коихъ содержаніе родилось въ головѣ моей при видѣ великихъ картинъ природы на океанѣ, въ лѣсахъ, покрывающихъ берега Ориноко, въ степяхъ Венецуэлы, на пустынныхъ горахъ Перуанскихъ и Мексиканскихъ. Каждая изъ нихъ была написана на самомъ мѣстѣ; въ послѣдствіи мнѣ оставалось только собрать ихъ въ одно цѣлое. Цѣль, къ которой я при этомъ стремлюсь — бросить общій взглядъ на всю природу, доказать общее дѣйствіе силъ, ее оживляющихъ, возобновить наслажденіе, получаемое чувствительнымъ человѣкомъ при непосредственномъ воззрѣніи на тропическія страны. Но каждая статья должна составлять одно, въ самомъ себѣ, замкнутое цѣлое; во всѣхъ ихъ равномерно должно высказываться одно и то же стремленіе. Такая изящная обработка предметовъ Естественной Исторіи представляетъ большія затрудненія, не смотря на всю величественную силу и гибкость языка. Богатство природы заставляетъ схватывать вдругъ много образовъ, а такое собраніе нарушаетъ спокойствіе и общее впечатлѣніе картины. При дѣйствіи чувства и воображенія слогъ обращается въ поэти-

ческое повѣствованіе. Эти мысли не требуютъ здѣсь развитія, ибо слѣдующія за симъ страницы представляютъ разнообразныя примѣры таковыхъ заблужденій, такого недостатка въ содержаніи.

Желательно, чтобъ, не смотря на эти ошибки, которыя я могу замѣтить скорѣе, чѣмъ исправить, мои «Картины природы» доставили читателю хотя частицу тѣхъ наслажденій, которыя доступны воспріимчивой душѣ при непосредственномъ ихъ созерцаніи. А какъ разсматриваніе внутренняго отношенія силъ природы съ большею подробностію увеличиваетъ это наслажденіе, то къ каждой статьѣ я присоединилъ ученые объясненія и дополненія.

Вездѣ старался я показать вѣчное вліяніе физической природы на нравственное расположеніе человеческого рода и его судьбы. Мрачнымъ душамъ по преимуществу предназначены эти страницы. Кто желаетъ укрыться отъ бури жизни, тотъ охотно послѣдуетъ за мною въ чащу лѣсовъ чрезъ необозримыя степи и на высокія вершины Андской цѣпи. Къ нему относятся слѣдующія стихи, заключающія въ себѣ всеобщее мнѣніе:

« Auf den Bergen ist Freiheit! Der Hauch der Gräfte
 « Steigt nicht hinauf in die reinen Lüfte;
 « Die Welt ist vollkommen überall ,
 « Wo der Mensch nicht hinkommt mit seiner Qual .»

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ И 3-МУ ИЗДАНІЮ.

Почти за 50 лѣтъ передъ симъ въ предисловіи къ первому изданію было указано двойное назначеніе этой книги — тщательное стремленіе живыми описаніями возвысить наслажденіе природою и открыть, поскольку позволяетъ теперешнее состояніе науки, согласное общее дѣйствіе силъ. Уже тогда показаны разнообразныя препятствія, могущія встрѣтиться при изыщномъ описаніи великихъ картинъ природы. Соединеніе литературной и чисто-научной цѣли, желаніе занять воображеніе и въ то же время, расширивъ кругъ познаній, обогатить жизнь идеями, затемняетъ расположеніе отдѣльныхъ частей, требованія единства сочиненія становятся трудно достижимыми. Но, не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, публика пребыла благосклонною въ пріемъ моего не вполне исполнимаго предпріятія.

Второе изданіе «Картинъ природы» я заготовилъ въ Парижѣ въ 1826 г. Тогда въ первые были присоединены новыя статьи: «о наружномъ сложеніи и образѣ дѣйствія вулкановъ въ различныхъ поясахъ» и «жизненная сила, или Родосскій геній». Вспоминая молодость и припоминая свои познанія въ Медицинѣ, Шиллеръ говаривалъ со мною о физиологическихъ предметахъ во время моего долгаго пребыванія въ Іенѣ. Мои изслѣдованія надъ раздраженіемъ мускуловъ и

первыхъ сосудовъ посредствомъ прикосновенія къ нимъ химически различныхъ веществъ, давали часто нашимъ разговорамъ болѣе серьезное направленіе. Въ это-то время была написана статья о жизненной силѣ. Пристрастіе, которое оказалъ Шиллеръ «Родосскому генію», напечатанному въ его журналъ «*Boeen*», возбуждало во мнѣ смѣлость напечатать его во второй разъ. Мой братъ также съ нѣжностію касается этого предмета въ своемъ письмѣ, недавно напечатанномъ (*Wilhelm von Humboldts Briefe an eine Freundin* Т. II, стр. 39), и прибавляетъ весьма справедливо: «развитіе фیزیологической идеи составляетъ цѣль всей статьи; въ то время, когда она была написана, любили болѣе, чѣмъ теперь, такое поэтическое одѣяніе серьезныхъ истинъ».

На 80-мъ году мнѣ удалось окончить третье изданіе этой книги и приспособить ее къ новымъ потребностямъ нашего времени. Почти каждое ученое объясненіе было исправлено или замѣнено новымъ, болѣе подробнымъ. Я надѣялся воодушевить любовь къ изученію природы, помѣстивъ въ столь ограниченномъ пространствѣ разнообразнѣйшіе результаты основательныхъ наблюденій, указавъ на важность точныхъ числовыхъ измѣреній и ихъ осторожныхъ сравненій, и, наконецъ, ослабивъ догматическое полужнаніе и тщеславный скептицизмъ, имѣющіе долгое время мѣсто по преимуществу въ такъ называемомъ высшемъ кругу общественной жизни. Между временемъ печатанія втораго и третьяго изданій я, Дренбергъ и Густавъ Розе, мы предприняли въ 1829 г., по приказанію Россійскаго Императора, путешествіе въ сѣверную Азію (на Уралъ, Алтай, берега Каспійскаго моря). Оно значительно расширило мои познанія о всемъ,

что касается до вида, поверхности, направленія горныхъ цѣпей, связи степей и пустынь, и до географическаго распредѣленія растеній въ зависимости отъ вліянія температуры. Незнаніе двухъ большихъ, снѣгомъ покрытыхъ, горныхъ кряжей, Тіаншана и Кюенъ-Люна, прорѣзывающихъ землю между Алтаемъ и Гималаемъ, при несправедливомъ пренебреженіи Китайскихъ источниковъ, затемняетъ географію внутренней Азіи и вмѣсто выводовъ наблюденій распространило въ печатанныхъ сочиненіяхъ однѣ только бредни; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ гипсометрическія сравненія высокихъ горныхъ вершинъ на обоихъ полушаріяхъ получили почти неожиданно большое и важное развитіе, исправили многія ошибки, до толѣ находившіяся въ разныхъ сочиненіяхъ; исправленныя измѣренія высотъ двухъ, на восточной Бولیвійской Андской цѣпи находящихся, вершинъ не только возвратили съ достовѣрностью Химборазо ея древнее мѣсто между снѣжными вершинами Новаго Свѣта; ибо на Гималаѣ новыя тригонометрическія измѣренія показали, что Кинхининга (26438 пар. фут.) занимаетъ ближайшее мѣсто послѣ Давалагири, измѣренной также тригонометрически болѣе точнымъ образомъ. Для сохраненія числоваго единообразія во всѣхъ изданіяхъ температура измѣряется градусами Реомюрова термометра, если нѣтъ какой нибудь оговорки. Футы — древнефранцузскіе, коихъ 6 считается въ одномъ тоазѣ; мили—географическія, т. е. каждая составляетъ 15-ю часть градуса экватора. Долготы считаются отъ перваго париж. меридіана. Берлинъ, въ Мартѣ 1849 г.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Какъ все дѣйствительно существующее въ природѣ, такъ и та часть литературы, посредствомъ которой человѣкъ вноситъ науку въ общество и содѣлываетъ ему общедоступными опытные данныя — имѣетъ свою исторію развитія, имѣетъ свои постепенныя перемѣны, смѣнявшія другъ друга. Конечно, та литература, о которой мы говоримъ, старѣе многихъ, имѣвшихъ ту же цѣль относительно другихъ наукъ, и разумная причина этого, конечно, заключается въ тѣснѣйшемъ отношеніи Естествовѣденія къ человѣку вообще. Мы здѣсь не говоримъ объ утилитарной сторонѣ, о практическомъ примѣненіи научныхъ данныхъ. Первые улачныя попытки въ упоминаемомъ направленіи выразились въ трудахъ Альберта Великаго, Сваммердама, Геснера, по возрожденіи наукъ въ Европѣ. Сыны своего вѣка, они особенно останавливались на частномъ явленіи, видѣли по преимуществу въ природѣ чудесное, рѣдко восходили до обобщенія въ цѣлое и дѣйствительно существующему нерѣдко придавали баснословное, мифическое.

Иной вѣкъ вызвалъ инаго дѣятеля: въ поэтическое время родился великій Бюффонъ. Вліяніе его на общество было чрезвычайное: горячо сочувствуя природѣ, онъ возбудилъ и въ обществѣ горячее къ ней сочувствіе. Всѣ читали его, всѣ слушали его, и никто не могъ ни наслушаться, ни начитаться. Изученіе природы сдѣлалось въ большей или меньшей степени насущною потребностью каждаго образованнаго человѣка, и если бы у Бюффона не было иной заслуги, достаточно этой одной, чтобы сдѣлать имя его без-

смертнымъ въ потомствѣ. Но у Бюффона есть и другая, болѣе существенная заслуга, въ которой начали отдавать ему справедливость только въ новѣйшее время: въ Бюффонѣ—поэтъ, живописецъ и стилистъ только заслонили кабинетнаго ученаго и великаго мыслителя. Каковъ вѣкъ, таковъ и человекъ, и нельзя не согласиться, что именно потому вліяніе Бюффона на общество было глубокое, что онъ былъ именно таковъ, какъ и все общество.

Направленіе Бюффона родило цѣлый рой послѣдователей и подражателей, изъ которыхъ многіе съ меньшимъ знаніемъ и, особенно, съ менѣе вѣрнымъ поэтическимъ чувствомъ превратились въ скучныхъ и, что особенно важно, въ своевольныхъ разскащиковъ. Вездѣ въ животныхъ искали человѣческихъ отношеній, вездѣ, помимо сущности, видѣли интересъ въ мнимо-поэтическихъ, вычурныхъ отступленіяхъ.

Ложное, крайнее направленіе, все глубже укоренявшееся тѣмъ болѣе, что разработка на немъ по легкости своей была доступна многимъ, грозило бѣдой. Ложныя краски искажали предметъ.

Съ неимовѣрно быстрымъ накопленіемъ данныхъ, съ болѣе точною, критическою оцѣнкою ихъ, съ болѣе глубокимъ созерцаніемъ ихъ разнообразія и внутренняго единства, ни Бюффонъ, а тѣмъ менѣе его подражатели, не могли удовлетворить общей возрастающей потребности чтенія естественно-историческихъ предметовъ. Медленно въ обществѣ родилось и крѣпилось противодѣйствіе этому ложному направленію, исшедшему изъ счастливаго и исторически-вѣрнаго источника, но перешедшему въ крайности. И, какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, запросъ вызвалъ удовлетвореніе.

Въ 1808 году явилось первое изданіе «*Картинъ Природы*» Гумбольдта и составило эпоху въ литературѣ. Оно обозначило новое, третіе направленіе въ изложеніи естественно-историческихъ данныхъ, доступныхъ обществу. Точный, ясный языкъ, неимовѣрное обиліе данныхъ, строгая оцѣнка частныхъ и взаимныхъ ихъ отношеній въ одномъ стройномъ цѣ-

ломъ — словомъ, обиліе вовсе неожиданныхъ данныхъ, глубокое міросозерцаніе при спокойномъ, часто до поэтического чувства восходящемъ, *картинномъ* изложеніи общаго строя природы — поразили всѣхъ въ новомъ трудѣ опытнаго экспериментатора, смѣлаго неутомимаго путешественника, глубокаго всесторонняго кабинетнаго ученаго, истиннаго поэта-живописца и литератора — Александра фонъ Гумбольдта. Наука и общество ему обязаны вдвойнѣ: и открытіемъ большаго числа новыхъ данныхъ, новою оцѣнкою прежнихъ, указаніями новыхъ путей въ изслѣдованіи, установленіями новыхъ отраслей наукъ и передачею въ общее достояніе стройнаго, научнаго зданія, имъ же по преимуществу, построеннаго.

Таково намъ кажется значеніе «*Картинъ Природы*» Гумбольдта. Возможно крайнее выраженіе современной науки относительно избранныхъ предметовъ, — вотъ ихъ содержаніе; стройность всего многообразія явленій, *картинность изложенія* предметовъ — вотъ ихъ внѣшняя форма, которою онѣ такъ глубоко, такъ выгодно и многосторонне подѣйствовали на читателей. Потому-то и переводчикъ сохранилъ заглавіе: «*Картинъ Природы*» (Ansichten der Natur), названіе, которое самъ Гумбольдтъ сохранилъ на Французскомъ языкѣ въ переводѣ, сдѣланномъ подъ его присмотромъ (Tableaux de la Nature. Édition nouvelle avec changements et additions importantes et accompagnée de cartes, par A. de Humboldt, traduites par Ch. Galusky, Paris 1851). Въ этомъ трудѣ переводчикъ говоритъ: Chargé par M. A. de Humboldt de traduire la nouvelle édition des *Tableaux de la Nature*, j'ai été heureux de vivre exclusivement de sa pensée, et je ne songerais pas à prendre, même pour un instant, la parole en mon nom, si je n'avais à informer le public de quelques additions que l'éditeur a cru devoir faire, afin de mieux justifier le patronage bienveillant dont l'honneur M. de Humboldt. Скоро вышли второе и третье умноженные и исправленные изданія. (Ansichten der Natur. Mit wissenschaftlichen Erläuterungen von Alexander von Humboldt. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. Stuttgart und Tübingen. I. G. Cottascher Verlag. 1849). Самъ великій мастеръ отъ частныхъ явленій, излагаемыхъ въ общемъ строю,

перешелъ между тѣмъ къ болѣе объемлющему, къ болѣе глубокому, всецѣлостному космическому міросозерцанію: «*Картины Природы*» предуготовили «*Космосъ*» и вызвали ряды современныхъ воздѣлывателей науки, которые, болѣе крѣпкіе ея данными, принесли несравненно болѣе пользы наукѣ, нежели подражатели Бюффона. Нынѣ «*Картины Природы*» и «*Космосъ*» сдѣлались темою весьма богатой литературы, которою справедливо можно гордиться. Между тѣмъ однакожь еще и доселѣ «*Картины Природы*» служатъ образцомъ недосягаемымъ, и даже однимъ ихъ сдѣлалось наслѣдственнымъ для новѣйшихъ сочинителей.

«*Картины Природы*» переведены нѣсколько разъ на всѣ Европейскіе языки. На Русскій языкъ онѣ также переведены и даже не одинъ разъ. Послѣдній явился въ 1853 году (во II-мъ томѣ Магазина Землевѣденія, издаваемого Г. Фроловымъ, столь рано умершимъ къ общему великому сожалѣнію всѣхъ, привыкшихъ уважать трудъ и знаніе). Между тѣмъ, издатель предлагаемаго перевода почелъ и новый переводъ излишнимъ: въ самомъ дѣлѣ, за нимъ хотъ то достоинство, что въ немъ находится одна статья лишняя противъ перевода въ Магазинѣ, статья, которою восхищался Шиллеръ, и которую онъ потому помѣстилъ въ своемъ журналѣ; притомъ пріобрѣтеніе предлагаемаго перевода читателямъ болѣе доступно, нежели въ Магазинѣ Землевѣденія, гдѣ онъ составляетъ только часть одного многообъемистаго тома всего изданія.

Переводчикъ читалъ мнѣ большую часть рукописи, и, гдѣ я находилъ нужнымъ и удобнымъ, я совѣтовалъ нѣкоторыя измѣненія въ переводѣ, по возможности близкія къ оригиналу.

Октября 1855.

К. Рулье

СТЕПИ И ПУСТЫНИ.

Отъ подошвы высокаго гранитнаго хребта, преодолеваго въ началѣ существованія нашей планеты напоръ воды при образованіи Антильскаго моря, начинается обширная необозримая равнина. Миновавши горныя долины Каракаса и островами богатое озеро Такаригуа, въ которомъ отражаются на берегу растущія банановыя деревья (¹); пройдя равнины, гдѣ блещетъ нѣжная, свѣтлая зелень Таитскаго сахарнаго тростника; и оставивъ позади себя густую тѣнь, бросаемую какасовыми кустарниками—путешественникъ останавливается на югѣ свои взоры на степяхъ, которыя, замѣтно повышаясь, въ исчезающей дали замыкаютъ горизонтъ. Покинувъ среду полной органической жизни, онъ съ изумленіемъ вступаетъ въ эту безлѣсную пустынь, гдѣ едва примѣчаетъ слѣды растительности. Ни одинъ холмъ, ни одна скала не поднимаются на подобіе острова среди этого неизмѣримаго прѣстѣнства. Только коегдѣ возвышаются надъ окружающимъ грунтомъ изломанные флечовые слои, имѣющіе поверхность въ двѣсти квадратныхъ миль. Это явленіе туземцы называютъ мелями (²), какъ бы по догадкамъ обозначая этимъ именемъ то древнее положеніе вещей, когда эти возвышенія были мелями, а сами степи дномъ обширнаго внутренняго моря. Часто нынѣ обманъ чувствъ напоминаетъ намъ ночью такія картины давно прошедшаго времени; такъ, когда въ краткое время своего восхожденія и захожденія блестящія свѣтила освѣщаютъ край равнины, или когда при колебаніи ихъ изображеніе отражается